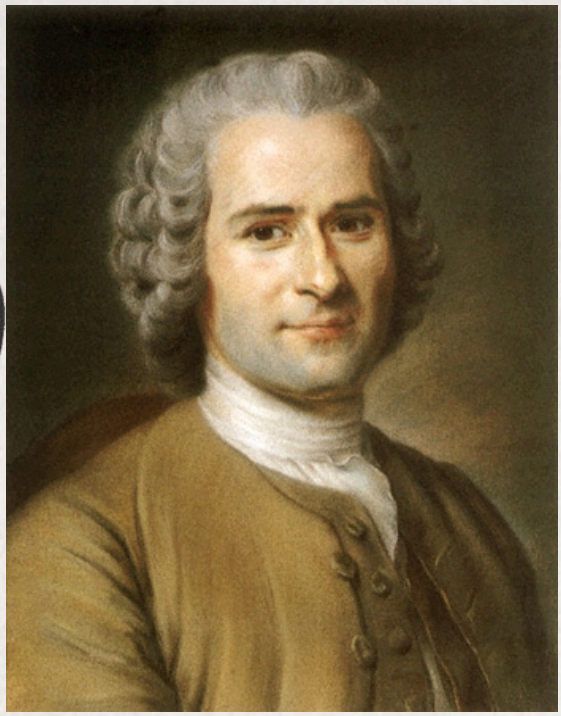
Николай Ходов
Денис Буточников

Рассказы

Жан-Жак Руссо

К этому факультативу по обществознанию все готовились особенно тщательно: Римма Григорьевна прямо сказала, что у кого спорные оценки в триместре, должны выступить на факультативе с докладом и склонить чашу оценочных весов в лучшую для себя сторону. Поскольку на уроке изучалась эпоха Просвещения, факультатив был посвящён одному из деятелей того периода – Жан-Жаку Руссо.



Каждый готовил своё сообщение: Маша Арсеньева – «Воспитание по Руссо: школа, где тебя не заставляют», Глеб Трофимов – «Свобода и правила», Олег Шулаев – «Просвещение и парадоксы: когда хорошие идеи звучат странно». Но вступительное сообщение о самом Руссо как философе, писателе и мыслителе эпохи Просвещения готовила Наташа Григорьева. Её оценка балансировала между пятёркой и четвёркой, и сейчас от этого самого Руссо зависело очень многое – вплоть до итоговой оценки по обществознанию.

Поэтому, прижав тетрадь к груди и уставившись немигающим взглядом в окно, чтобы ничто вокруг не отвлекало, она уже в сотый раз твердила, как пономарь:

– Жан-Жак Руссо родился 28 июня 1712 года в Женеве. Воспитывал его отец, по профессии часовщик и учитель танцев, который очень любил сына и с самых ранних лет занимался с ним чтением серьёзной литературы…

Виталик, у которого в триместре ничего уже не решалось и выходила твёрдая четвёрка, как неприкаянный болтался по коридору, засунув руки в карманы. Он бы с удовольствием сбежал с факультатива и занялся чем-нибудь интересным и полезным вместо того, чтобы слушать про эту нудятину. Но таких вольностей Римма Григорьевна не прощала, и Виталик вынужден был слушать про этого самого Руссо с его, как ему казалось, совершенно бестолковой философией.

Сделав третий круг по коридору и остановившись рядом с Наташей, Виталик послушал её бубнёж и ляпнул:

– Ты уже так заучилась, что сама запуталась.

– В смысле? – удивилась Наташа и с явным недовольством от того, что её прервали, обернулась к нему.

– Не Жан-Жак, а Жак-Жан Руссо. Зубришь и сама не понимаешь что!

Наташа Григорьева недоумённо уставилась на Виталика, потом отняла от груди тетрадь и, перевернув страничку, посмотрела в неё.

– Что ты мне голову морочишь? Жан-Жак Руссо!

Виталик мельком глянул в её тетрадь.

– Так у тебя там ошибка. Хочешь отличницей быть, а сама элементарных вещей не знаешь… – и, запихнув руки ещё глубже в карманы, побрёл дальше по коридору.

Наташа похлопала глазами, полистала тетрадь и, бросив её на подоконник, опять уставилась в окно.

– Бред какой-то! – воскликнула она. Но, не желая попасть в глупую ситуацию на факультативе и стать посмешищем для всего класса, она повысила голос и спросила у подруги, которая стояла неподалёку:

– Слушай, Олесь, как правильно: Жан-Жак или Жак-Жан Руссо?

Олеся Ибрагимова, занятая совершенно другими мыслями, оторвалась от учебника геометрии и, на секунду задумавшись, ответила:

– Жак-Жан!

– Тьфу! – с раздражением выдохнула Наташа. – Теперь переучивай его заново!

– Почему Жак-Жан? – с недоумением спросил Глеб Трофимов, отрываясь от своего конспекта.

– Вы что там, белены объелись? Жан-Жак!

– Да сам ты Жан-Жак! – заметил Виталик, завершая свой очередной виток по коридору.

– Так как его правильно?! Жан-Жак или Жак-Жан?! – воскликнула Маша Арсеньева.

– А у тебя самой что написано? – в недоумении спросил Олег Шулаев.

– А у меня просто: «Руссо». Какая мне разница, Жан он или Жак, если я вообще про воспитание говорю! А у тебя?

– А у меня – «Ж. Ж. Руссо», – признался Олег.

– Да что вы ерунду какую-то городите! – воскликнула Настя Иноземцева. – Жан-Жак Руссо. Римма Григорьевна сама так говорила. Я за ней записывала! – и она подняла вверх раскрытую тетрадь.

– Но тут у тебя написано «Жан-Жак», а тут, чуть дальше, вот – «Жак-Жан»! – воскликнула Наташа, посмотрев в тетрадь подруги.

– Но тут, наверное, правильно, – в недоумении попыталась оправдаться Настя. – Потому что это вначале написано…

– Логика у тебя, конечно… Типа первое слово главнее второго! А если ты вначале не расслышала, а потом правильно начала писать? – усомнился Олег.

– Девочки, так как же правильно: Жан-Жак или Жак-Жан? – взмолилась Наташа, взглянув на часы. – Сейчас звонок, а мне выступать первой!

– Так давайте у Риммы Григорьевны спросим! – предложил Андрей Мохов.

– Да чего там спрашивать? Только позориться… Жак-Жан! – уверенно заявил Виталик, вновь вернувшись из дальнего конца коридора к классу.

– Да Жан-Жак! – воскликнул Володя Берсеньев. – Вот, я сам на уроке записывал.

– Да у нас тут у всех «на уроке записано»! – чуть не плача, набросилась на него Наташа. – А мне-то что сейчас говорить?

На её лице было написано полное отчаяние.

В этот момент прозвенел звонок, и ребята гурьбой ввалились в класс, продолжая свой спор. Следом за ними вошла Римма Григорьевна.

– Римма Григорьевна! – громко сказал Андрей Мохов. – Как правильно: Жан-Жак или Жак-Жан Руссо?

– Жан-Жак Руссо, – спокойно ответила Римма Григорьевна.

– Вот, а Виталик нам тут голову морочит! – воскликнул Глеб Трофимов.

– Да ничего я не морочу! Открой учебник и посмотри! – отмахнулся от него Виталик, в очередной раз жалея, что не может сбежать с факультатива.

– Да нет у нас в учебнике про него! – не отставал Глеб.

– Я вчера сама из энциклопедии в тетрадь списывала! – воскликнула Маша Арсеньева. – Жан-Жак.

– Да у тебя там вообще ничего не написано! – напомнил Олег.

– Да Жак-Жан он! – крикнул кто-то, перекрывая общий спор.

– Да сам ты Жак-Жан! Жан-Жак!

– А у меня вообще «Жан-Жан» написано…

– Да успокойтесь вы! Сядьте наконец! Вы меня сами запутали! – воскликнула Римма Григорьевна и, сдёрнув очки с лица, обернулась к своему учительскому столу, желая найти какую-нибудь книгу, в которой могло бы быть правильно написано имя Руссо. Но таковой не оказалось. Тогда она ещё раз велела всем сесть и успокоиться, а сама побежала в учительскую за учебником, негодуя всей душой на глупую ситуацию, в которой оказалась.

На лестнице она столкнулась с директором.

– Виталий Самойлович! Подскажите, вот прямо заклинило: Жан-Жак Руссо или Жак-Жан Руссо?

Директор, который в это время думал, что делать с нехваткой посадочных мест в столовой на первой большой перемене и как в связи с этим лучше развести классы начальной школы, в недоумении уставился на неё.

– Жан-Жак, – произнёс он, ещё не понимая толком, чего от него хотят.

– Вот, я и говорю – Жан-Жак! – обрадовалась Римма Григорьевна и бросилась обратно к классу.

– Подождите, – остановил её директор, когда она уже успела отойти от него на несколько шагов. – А, может, и Жак-Жан… Я, признаться, что-то не помню…

Римма Григорьевна встала как вкопанная.

– Так Жан-Жак или Жак-Жан?

– Да не помню я! – с досадой всплеснул руками Виталий Самойлович. – Совсем запутался! Алексей Григорьевич! – громко позвал он, перегнувшись через перила. – Как правильно: Жан-Жак Руссо или Жак-Жан Руссо?

– Жак-Жан, – уверенно сказал учитель физкультуры, поднимаясь к ним по лестнице. – Я ещё с институтских лекций по педагогике помню.

– Ну какой Жак-Жан, голубчик! – взмолилась Римма Григорьевна. – Жан-Жак он был!

– Но если вы сами знаете, зачем тогда спрашиваете? – недовольно заметил директор, которому уже надоела вся эта чехарда.

– Ну, не уверена я, – честно призналась Римма Григорьевна.

– Ну, значит, пусть он будет Жан-Жак. Я так решил! – твёрдо заявил директор и махнул рукой, желая прекратить этот затянувшийся спор.

– Виталий Самойлович! – взмолилась Римма Григорьевна.

Но директор и сам уже сообразил, что не властен над этим вопросом, и быстро нашёл выход:

– Давайте мы сейчас у Татьяны Викторовны спросим! Она, в конце концов, завуч, главный методист школы, она должна знать!

Все дружно спустились на один пролёт ниже и после формального стука в нетерпении буквально ввалились в кабинет завуча, заполнив собой всё его маленькое пространство.

– Татьяна Викторовна, как правильно: Жан-Жак Руссо или Жак-Жан Руссо? – спросил директор, поджимаемый сзади к столу завуча своими коллегами.

– Жан-Жак, – ответила слегка остолбеневшая от такого вторжения Татьяна Викторовна.

– Да нет же, Жак – это очень распространённое французское имя, – не унимался Алексей Григорьевич, – а в данном случае мы просто имеем дело с двойным именем, которое тоже часто встречается во Франции. Поэтому Жак-Жан.

– Ну, Жан тоже очень распространённое французское имя! – заметила Римма Григорьевна. – Поэтому он Жан-Жак!

– Коллеги, вы меня совсем с панталыку сбили! – воскликнула Татьяна Викторовна. – У меня тут замена Архиповой на завтра не получается, а вы то «Жак-Жан», то «Жан-Жак»! Алексей Григорьевич, возьмёте завтра 7 «Б» на втором уроке вместо Архиповой? Форму они принесут, я им скажу.

– Татьяна Викторовна, – взмолилась Римма Григорьевна, – вы от ответа не уходите, у меня там дети одни сидят. Как правильно: Жан-Жак или Жак-Жан?

– Да что он дался-то вам?! – воскликнула Татьяна Викторовна, явно недовольная, что ей мешают работать. – Жан-Жак он… Хотя, впрочем, подождите… Чем чёрт не шутит…

Она встала из-за стола, протиснулась между директором и Риммой Григорьевной, открыла дверцу книжного шкафа и извлекла оттуда толстую книгу.

– Вот: Жан-Жак Руссо! – удовлетворённо прочитала она и показала окружающим.

– Ну, слава Богу! – выдохнула Римма Григорьевна.

– Я же говорил, что надо не спорить, а у Татьяны Викторовны спросить! – уверенно подвёл итог директор.

– Ну, значит, я того, ошибся, – быстро согласился Алексей Григорьевич и поспешил выйти из кабинета.

Римма Григорьевна как можно быстрее направилась в свой класс, сетуя про себя на то, что потеряла так много времени из-за какой-то ерунды. Когда она открыла дверь, то была очень удивлена: в классе стояла гробовая тишина, а Глеб Трофимов воодушевлённо рассказывал про свободу и правила по Руссо. Он остановился на полуслове, заметив в дверях учителя, не зная, что ему делать дальше.

– А мы решили не терять времени, – смущённо сказал он. – Наташа уже выступила…

– Хорошо! – похвалила их Римма Григорьевна. – А как же вы решили вопрос с Руссо?

– А никак, – махнул рукой Виталик. – Мы его просто Руссо называем!

– Запомните: Жан-Жак Руссо! – уверенно произнесла Римма Григорьевна и подняла вверх указательный палец. – Запомните и не путайте!

– Ладно, – легко согласился Виталик, откидываясь на спинку стула. – Пусть он будет Жан-Жак, главное, чтобы на какой-нибудь контрольной не спросили, кто из них первый!

Все в классе выдохнули, а Римма Григорьевна едва заметно улыбнулась.